

Джордж Блейк

Разведчик не профессия, а образ жизни, и он не каждому по плечу.

Дж. Блейк

«Сегодня вы услышите рассказ о видном советском разведчике Джордж Блейк».

Многое предшествовало тому, что Блейк стал тем, о ком вы сегодня услышите. Детство, семья, учеба, участие Блейка в голландском Сопротивлении во время Второй мировой войны, служба в Королевском военно-морском флоте Англии, а затем в святой святых английских спецслужб — Сикрет интеллид-женс сервис. За этим последовали Корейская война и плен, мучительные нравственные искания, решение пойти на сотрудничество с советской разведкой. Далее — арест в результате предательства, суд, тюрьма и побег, побег из строжайшей лондонской тюрьмы «Уормвуд Скрабз», который потряс дерзостью и стал международной сенсацией. Такова калейдоскопическая смена событий в жизни этого необычного человека.

22 октября 1966 года Би-би-си передало сообщение: «Сегодня вечером в Лондоне произошли драматические события. Джордж Блейк, агент-двойник, который отбывал наказание за шпионаж в пользу русских, бежал из тюрьмы «Уормвуд Скрабз». Дело Блейка слушалось Верховным уголовным судом в 1961 году. Он был приговорен к 42 годам — самому длительному сроку тюремного заключения в истории британской юриспруденции. Его признали виновным в передаче информации русским, когда он был сотрудником английской разведки в Берлине. Как сообщил представитель министерства внутренних дел, Блейка не оказалось в камере во время вечерней поверки в семь часов, когда заключенных запирают на ночь. Территорию тюрьмы обыскали, но следов Блейка обнаружено не было. Политический отдел Скотланд-Ярда возглавил крупномасштабную облаву: под тщательное наблюдение взяты все аэропорты, морские вокзалы, а также посольства стран восточного блока. Новости о дерзком побеге продолжают поступать. Мы будем держать вас в курсе событий».

Тот октябрьский субботний вечер в Лондоне выдался пасмурным и дождливым. Редкие прохожие попадались на улице, где находилась тюрьма «Уормвуд Скрабз», и только у расположенного напротив госпиталя наблюдалось некоторое оживление. Посетители, как правило, с небольшими букетами цветов в руках, оставив свои машины, торопились к входу в здание. Никто из них не обратил внимания на

припаркованную у стен тюрьмы автомашину и стоявшего около нее человека с букетом хризантем.

Понадобилось мгновение, чтобы веревочная лестница была переброшена через стену и воспользовавшийся ею человек быстро спустился на землю. Автомашина мгновенно растворилась во мгле лондонского вечера, унося совершившего побег человека и его помощника.

И только час спустя во всех пяти корпусах тюрьмы зазвучал сигнал тревоги. В специальном корпусе «Д», где содержались заключенные, получившие длительные сроки, надзиратели недосчитались одного из них.

На следующее утро все без исключения английские газеты поместили на первых полосах фотографии Блейка. Корреспонденты газет, радио и телевидения как бы вступили в соревнование, высказывая самые невероятные версии побега.

А в это время Дж. Блейк совместно с Шоном Берком — человеком, который помог осуществить побег, отсиживались в заранее подобранной лондонской квартире, буквально в квартале от тюрьмы «Уормвуд Скрабз».

Но не будем забегать вперед и попытаемся все изложить по порядку.

Джордж Блейк родился в 1922 году в голландском городе Роттердаме в семье английского подданного. Его отец родом из Константинополя. Дед был богатым купцом, торговавшим коврами, имел большую семью. Его многочисленные сыновья и дочери после Первой мировой войны поселились в разных странах Европы и Ближнего Востока. Отец Джорджа учился в Сорбонне, но разразилась мировая война, и он вступил в Иностранный легион, а позднее перешел на службу в английскую армию на Ближнем Востоке. За военные заслуги получил британское подданство. Последним местом его службы был Роттердам, где он участвовал в отправке на родину английских военнопленных, освобожденных из немецких лагерей по окончании Первой мировой войны.

Мать Блейка происходила из интеллигентной голландской семьи, давшей стране врачей, священнослужителей, чиновников и архитекторов. Она сыграла, пожалуй, главную роль в воспитании и становлении Блейка как личности, и он, в свою очередь, платил ей большой любовью. Вот что пишет Блейк в своей книге «Иного выбора нет»: «Мы с матерью всегда отлично ладили, у нас было много общего: одно и то же отношение к жизни, почти одинаковые вкусы... От нее мне достался уравновешенный характер, и мы никогда не ссорились».

В конце 60-х годов мать Блейка покинула Англию и вернулась в Голландию, где восстановила голландское подданство. Блейк поддерживал с матерью теплые отношения до последних дней ее жизни. Уже после побега Блейка они ежегодно встречались в Москве или на территории стран бывшего соцсодружества. По понятным причинам Блейк не мог этого сделать ни в Англии, ни даже в Голландии. Мать Блейка скончалась в 1994 году в Голландии в возрасте 98 лет.

Дж. Блейк получил хорошее образование. Однако после смерти отца семья стала испытывать материальные затруднения. На семейном совете было принято решение отправить Блейка в Каир, где проживала его тетя, сестра отца. Тетя была замужем за богатым банкиром.

В Каире Блейк окончил вначале французскую школу, а затем английский колледж. Так он прожил три года, проводя зиму в столице Египта, а лето — либо в Александрии, где тетя имела дачу, либо с матерью и сестрами в Голландии.

В 1939 году разразилась Вторая мировая война. Блейк остался в Голландии. В мае 1940 года немцы оккупировали страну. Матери и сестрам Блейка удалось перебраться в Англию, а он остался с бабушкой и тетей в Роттердаме, и в скором времени вступил в ряды голландского движения Сопротивления. С этого момента начинается «секретная» жизнь Джорджа Блейка.

Он выступал как связной, перевозил секретные сообщения и антифашистскую литературу, подвергая себя опасности быть арестованным оккупантами. Желание Блейка более активно участвовать в борьбе против фашистов привело к решению перебраться в Англию. С помощью друзей через Бельгию, Францию и Испанию, где он был задержан испанской полицией и провел несколько месяцев в лагере для интернированных иностранцев, Блейк в конечном счете попал в Гибралтар и отправился в Англию.

Военную службу Дж. Блейк проходил на английском военно-морском флоте, окончив офицерскую школу. В последний год войны он был прикомандирован к английской разведке — Секрет интеллидженс сервис, где работал в голландском отделе и участвовал в организации разведывательной деятельности в оккупированной немцами Европе. В рамках сотрудничества британской и голландской разведок Блейк непосредственно занимался подготовкой и заброской агентов на территорию Голландии.

По окончании военных действий в Европе Блейк выехал в Голландию, где работал сотрудником новой резидентуры СИС в Гааге, а спустя некоторое время его перевели в Германию, в Гамбург.

К этому времени в высших эшелонах английской разведки была выработана новая структура СИС. Стало ясно, что главным объектом внимания становились Советский Союз, социалистические страны Восточной Европы. Наступили годы холодной войны.

В 1947 году Блейк получил предложение работать в СИС уже на постоянной основе, как кадровый сотрудник. Он дал согласие, отбросив мысли о поступлении в теологический колледж и о карьере священника. Как кадрового офицера английской разведки, его спустя некоторое время направили на учебу на курсы русского языка при Кембриджском университете.

Занятия русским языком, чтение русской классики, общение с русскими людьми славянского факультета Кембриджа изменили отношение Блейка к России и ее народу. Вот что написал Блейк по этому поводу в своей книге «Иного выбора нет»: «Вспоминая дни, проведенные в Кембридже, я теперь понимаю, что они были переломными — мне открылись новые горизонты, я получил ключ к удивительным богатствам русской литературы, стал уже немного понимать русских людей, заинтересовался и полюбил их обычаи и традиции»

Потом была Южная Корея. Время, проведенное там, оказало большое, может быть, решающее влияние на политические настроения Блейка, его мировоззрение.

В октябре 1948 года Дж. Блейк прибыл в Сеул, где возглавил резидентуру СИС, действовавшую под прикрытием генерального консульства Великобритании, ее цель — организация разведывательной работы против советского Дальнего Востока.

Начавшаяся Корейская война перечеркнула все планы. В результате наступления северокорейцев пал Сеул, а сотрудники английской дипломатической миссии, в том числе и Блейк, были интернированы на целых три года.

Как человек, склонный к анализу, Блейк сопоставлял свою позицию, понимание мира и справедливости с тем, что происходило. Холодная война, противостояние Запада и Востока поколебали идеологические устои Блейка. Знакомство с марксизмом — Блейк буквально проштудировал «Капитал» Маркса, — беседы с находившимся вместе с ним в плену посланником, которого привлекали социалистические идеи и который считал, что коммунизм — следующая ступень развития человечества, оказали большое влияние на Блейка. Из человека с традиционными взглядами он превратился в сторонника движения, с которым прежде боролся. У него росло убеждение, что создание социалистического общества осуществимо и желанно.

Видимо, сказались и его беседы в юношеском возрасте с кузеном Анри, который интересовался политикой и придерживался левых взглядов.

В одном из интервью середины 90-х годов Блейк на вопрос: «Ради чего Вы пошли на сотрудничество с нашей разведкой?» — ответил просто: «Во-первых, я боялся, что будет развязана третья мировая война, во-вторых, я верил в победу коммунизма. По этим причинам, кстати, с советской разведкой сотрудничали многие иностранцы».

Блейк пришел к выводу о необходимости активного участия в противостоянии двух лагерей, но уже по другую сторону баррикад. Он принял решение обратиться в советское посольство в Северной Корее, предложив свои услуги. Так в добровольном порядке и по идеологическим соображениям Джордж Блейк стал на путь сотрудничества с советской разведкой, стал советским разведчиком. Блейк отказался от материального вознаграждения и твердо придерживался этого принципа в дальнейшем.

Здесь хотелось бы упомянуть молодого сотрудника управления КГБ по Приморскому краю Николая Андреевича Лоенко, который, находясь в командировке в Северной Корее, установил контакт с Блейком. Вот его слова:

«Фактически Джордж, наблюдая войны во всех их видах и размышляя над судьбами мира, сам пришел к коммунистическим убеждениям. Он сразу же поразил меня глобальностью и разносторонностью мышления, неподдельным интересом к нашей стране. Конечно, по своей эрудиции, уровню культуры Джордж превосходил меня, он крепко разобрался в теории научного коммунизма. Мне оставалось только ему поддакивать. Короче говоря, идеологически воздействовать на него я не мог, поэтому больше нажимал на общечеловеческие интересы»

Весной 1953 года пленение Блейка закончилось, и вместе с другими находившимися в плену сотрудниками английской дипломатической миссии он вернулся в Англию.

После радостных встреч с родственниками, опросов представителями военной разведки и СИС, носивших формальный характер, Блейк получил дополнительный отпуск, а в сентябре 1953 года приступил к работе в Интеллидженс сервис. Он был назначен на пост заместителя начальника отдела «У» СИС. Эта служба занималась проведением операций по внедрению техники подслушивания и съему информации в представительствах СССР и союзных с ним государств, а также в частных квартирах работников этих учреждений. Ряд операций проводился совместно с ЦРУ США.

Вскоре представители советской разведки в Англии восстановили связь с Блейком. Последовали десять лет его активной и неоценимой по плодотворности разведывательной работы. Простое перечисление того, что было сделано Джорджем Блейком, заняло бы очень много места. Он передал большое количество секретных документов английской разведки, раскрывающих ее подрывные устремления против Советского Союза.

Об одном нашумевшем в свое время деле, участником которого был Блейк, можно сказать несколько слов. Это операция американских и английских спецслужб под кодовым названием «Голд» (золото), известная российскому читателю как «Берлинский туннель».

Ночью 22 апреля 1956 года советские связисты, «осуществляя срочный ремонт» телефонного кабеля, обеспечивающего связь между Восточным Берлином и Москвой, наткнулись на отвлечение. Они обнаружили туннель, ведущий к американскому пакгаузу по ту сторону границы, разделяющей советский и американский секторы Берлина.

Наша сторона не пошла на уничтожение установленной американцами и англичанами аппаратуры перехвата телефонных разговоров, а на следующий день организовала пресс-конференцию, на которой обвинила американцев в возмутительном вторжении на территорию советского сектора Берлина и заявила решительный протест. Собравшихся журналистов пригласили на «экскурсию» в туннель.

За несколько лет до этого, в один из декабрьских дней 1953 года, в Лондоне проходило секретное совещание представителей Центрального разведывательного управления США и Секрет интеллидженс сервис Великобритании. В результате было принято решение о прокладке туннеля к линиям связи советских войск и линиям связи Германской Демократической Республики. Предприятие финансировали американцы: сложнейшее оборудование обязалась поставить английская сторона. В качестве заместителя начальника отдела «У» Джордж Блейк принимал личное участие в этом совещании специалистов-разведчиков СИС и ЦРУ.

В берлинском районе Альтглинике, где проходила граница американского сектора Берлина, американские военные власти построили корпуса станции подслушивания. От них был прорыт пятисотметровый туннель, оборудованный по последнему слову техники, для подключения подслушивающей, усилительной и прочей шпионской техники к телефонным кабелям на территории ГДР.

После скандального разоблачения, когда все улики были налицо и играть в прятки отпала нужда, высокопоставленные деятели из ЦРУ все

же пытались утверждать, что, мол, эта операция была самой результативной за последние годы. Тогда ни в Вашингтоне, ни в Лондоне не могли даже предположить главное — их акция оказалась обреченной еще до того, как были созданы чертежи этого «предприятия».

Само «обнаружение» туннеля было проведено искусно. Последовавшее за этим совместное расследование Интеллидженс сервис и ЦРУ обстоятельств провала операции пришло к выводу о его чисто технических причинах. Об утечке информации и речи не шло. И только в 1961 году, после ареста Блейка, СИС и ЦРУ стало известно, что советские власти были детально ознакомлены с операцией «Туннель» еще до того, как первая лопата вонзилась в землю. Блейк сумел передать советской разведке сведения об этой операции американской и английской разведок еще на стадии ее первоначальной разработки.

В связи с предательством одного из руководителей польской разведки М. Голеневского английская контрразведка по косвенным данным вышла на Блейка, и в 1961 году последовал его арест.

Первые беседы еще на стадии подозрений ничего не дали сотрудникам отдела контрразведки Интеллидженс сервис, которые вели допросы Блейка. Они не располагали ни конкретными данными, ни вещественными доказательствами его сотрудничества с советской разведкой. Допрашивающие, сами того, видимо, не ожидая, нашли нестандартный психологический ход. Как бы желая облегчить признание Блейка и тем самым его участь, они заявили, что он пошел на сотрудничество с Советами только потому, что его пытали в корейском плену и заставили признаться, что он сотрудник британской разведки. Дальше последовал шантаж, и Блейк пошел на сотрудничество. Блейк был возмущен таким предположением. Ему захотелось объяснить, что действовал он по убеждению, что никто его не пытал, не шантажировал, и он пришел к русским по собственному решению и предложил им свои услуги. Эта внутренняя реакция — возможно, кто-то и посчитает ее противоречащей элементарному здравому смыслу и инстинкту самосохранения — оказалась в итоге полным признанием.

Но в этом весь Джордж Блейк — благородный человек, не допускающий сомнений в искренности своих поступков и принятых решений. Эту черту характера он проявлял не один раз, не шел на компромиссы, когда дело касалось убеждений, принципов.

Подтверждением этому служит и поведение Блейка во время суда. Адвокат Джереми Хатчинсон, выступавший в качестве защитника Блейка, просил его разрешения заявить в своем обращении к судье о том, что подсудимый глубоко сожалеет о содеянном. Это могло бы

смягчить приговор. Блейк ответил отказом, так как это он считал неправдой, ни о чем не сожалеет и уверен в правильности своего сотрудничества. И если бы не арест, то продолжил бы контакты с русскими.

Дело рассматривалось в суде Олд Бейли — центральном уголовном суде в Лондоне, — который приговорил Блейка к 42 годам тюремного заключения. Это было беспрецедентное в истории английской юриспруденции наказание за подобного рода преступление. Разум Блейка отказывался принимать такой приговор. Он испытывал чувство как бы нереальности происходящего, так как его освобождение должно было произойти только в 2003 году, то есть в следующем тысячелетии. Если бы суд назначил ему 14 лет, то это, по словам Блейка, произвело бы на него «куда более ужасное впечатление, сорок два года находились вне пределов понимания». Но самое интересное в том, что подобный срок подтолкнул Блейка к мысли о побеге.

Все, что произошло в дальнейшем, укладывалось в философию Блейка, его жизненную позицию.

Блейк сравнительно быстро вошел в режим тюремной жизни. Вел себя примерно и после пяти лет получил «повышение»: из мастерской, где шили мешки для дипломатической почты, его назначили в тюремную лавку — там заключенные покупали нехитрые припасы. Его навещали мать, жена, другие родственники. Это, с одной стороны, облегчало его пребывание в тюрьме, но с другой — было и большим моральным испытанием. Он чувствовал вину перед родственниками за то, что случилось, особенно перед женой, которая осталась одна с тремя сыновьями на руках.

Большой моральной поддержкой для Блейка явились его беседы во время прогулок в тюремном дворе с советским разведчиком Гордоном Лонсдейлом (Кононом Трофимовичем Молодым), арестованным англичанами в результате предательства того же поляка Голе-невского и осужденным на 25 лет в том же 1961 году.

Блейк восхищался стойкостью и неизменно хорошим настроением, с которым Молодой переносил выпавшие на его долю испытания. Они часто обсуждали возможные шансы выбраться на свободу.

В одной из бесед, незадолго до того, как Молодой был переведен в другую тюрьму, он высказал уверенность в том, что во время большого парада по случаю 50-летней годовщины Октябрьской революции (1967 г.) они вместе будут на Красной площади. Это звучало фантастично, но Молодой оказался совершенно прав — оба они присутствовали на этом параде, а потом пили шампанское.

Со временем Блейк как бы «втянулся» в распорядок тюремной жизни и начал даже находить ее терпимой. Чтобы поддерживать себя в рабочем состоянии, он возобновил занятия арабским языком, посещал занятия по английской литературе и класс любителей музыки, организованные в тюрьме по линии попечительства. Помимо этого тюремные власти разрешили ему учиться на заочных курсах Лондонского университета.

Но Блейк не оставлял мысли о побеге. Приговор был таков, что не бросить вызов ему было просто невозможно. Он считал себя политическим заключенным, в то время как британское правительство отрицает существование подобной категории заключения в Англии.

Понимая, что без посторонней помощи побег неосуществим, Блейк подыскивал людей, которые могли бы оказать ему помощь.

Такая возможность представилась. Он встретил двух членов «Комитета 100» — Майкла Рэндла и Пэта Поттла, осужденных на 18 месяцев тюремного заключения за организацию мирной демонстрации у одной из баз ВВС США в Англии. Между ними установились дружеские отношения. Перед выходом из тюрьмы эти люди предложили Блейку помощь в случае, если он решится на побег.

Другим помощником был бунтарь-ирландец Шон Берк, который попал в тюрьму за то, что послал почтой бомбу полицейскому, который ложно обвинил Шона в растлении малолетнего.

Эти трое провели подготовительную работу и помогли Блейку осуществить побег. Они же помогли ему переправиться в Москву. Это случилось в декабре 1966 года.

Так закончился самый тяжелый этап в жизни советского разведчика Джорджа Блейка.

Нельзя сказать, что Блейк легко вошел в новую жизнь, находясь в Москве. Его «розовое» представление о социализме отличалось от реальной действительности. Но это не разочаровало его, а заставило глубже взглянуть на жизнь. У него было много свободного времени, он часто бродил по Москве, особенно в старой ее части, в районе Арбата, знакомился с москвичами, их укладом жизни. К нему приезжала мать, которая помогла наладить быт.

Вскоре по прибытии в Москву Блейк знакомится с Кимом Филби и Дональдом Маклином, которые уже более десятка лет жили в Москве. Общение с ними помогло ему войти в ритм московской жизни. Особенно дружеские отношения сложились с Д. Маклином, который помог Блейку начать работать в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, где он стал, по признанию коллег, одним из

ведущих экспертов института по проблемам Ближнего и Среднего Востока.

В Москве у Блейка появилась новая семья, родился сын, а теперь растет внук, которому Блейк уделяет много внимания.

Блейк стал настоящим москвичом, у него есть дача, где он вместе с семьей и друзьями проводит значительную часть времени, особенно летом. Собирает грибы, зимой подолгу катается на лыжах.

Со временем Блейк восстановил связи со своими сыновьями от первого брака. С большим волнением и беспокойством ожидал встреч с ними в Москве. Они с пониманием отнеслись к выбору отца, и теперь ежегодно вместе с женами и детьми навещают Блейка в Москве, с удовольствием живут на его даче в Подмосковье.

Естественно, Джордж Блейк, являясь ветераном внешней разведки, активно участвует в жизни ее коллектива, является почетным профессором Академии внешней разведки. Он часто встречается с коллегами, выступает перед молодыми разведчиками. В 1999 году посетил Дальний Восток и возложил цветы на могилу Н.А. Лоенко.

За свои заслуги Джордж Блейк был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны I степени, «За личное мужество», знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также нагрудным знаком «За службу в разведке» за № 1.

Закончить этот очерк уместнее всего словами самого Блейка: «Сегодня я могу сказать, что моя жизнь сложилась хорошо, возможно, даже лучше, чем, по мнению многих, я заслуживаю»

Из интервью с Блэйком, которое взял у него известный писатель и историк разведки Николай Долгополов.

Блейк хорошо и с милым акцентом говорит по-русски. Наша беседа шла неторопливо. Но по не зависящим ни от него, ни от меня причинам интервью не было опубликовано.

Какой он теперь, разведчик Джордж Блейк, столько сделавший для нашей страны?

Он живет с женой Идой Михайловной в Подмосковье, изредка и без удовольствия выбираясь лишь по крайней необходимости в город.

Еще издали на подъезде к его даче я увидел степенную пару: мужчина с палочкой, поддерживаемый стройной спутницей, неторопливо шествует по дорожке. Элегантный берет, темная куртка, аккуратная бородка — он по-прежнему, несмотря на полвека, прожитых в нашей стране, не похож на россиянина. Полковник СВР остается знаменитым разведчиком-англичанином Джорджем Блейком.

На улице ему трудно без сопровождающего, а в своих комнатах он отлично ориентируется и передвигается самостоятельно. Хозяин начал беседу на русском, но по-английски, с погоды:

— Когда нет дождя, я много гуляю: и на улицу выходим. Но за калитку я один не хожу: знаете, велосипеды, машины. Устраивайтесь.

— Спасибо, Георгий Иванович. У вас позади девяностолетие. Событие, на мой взгляд, приятное...

— Это как смотреть, — и Блейк смеется — неожиданно звонко.

— Отпраздновали здесь, на даче? Приезжали гости из Англии?

— Три моих сына. Собрались вместе, а потом — они снова к себе домой.

— У ребят жизнь в Англии сложилась неплохо. А ваш с Идой Михайловной сын, родившийся в Москве — он как?

— Ему за сорок, он — специалист по финансам. Миша — кандидат наук и очень хороший преподаватель.

— Понятно. А как обращается к вам жена?

— Жора.

— С первых дней знакомства?

— За ваши долгие, я бы сказал, очень долгие годы в России вы общались со многими своими бывшими английскими, американскими коллегами, которые, как и вы, верно служили СССР, России. Среди них Филби, Моррис и Лона Коэн... И наверняка наши российские нелегалы. Когда я спросил Героя России Морриса Коэна, не скучно ли ему в Москве, вдали от Штатов, он ответил: «А вы думаете, там я бы имел возможность общаться и дружить с таким интеллектуалом, как Джордж Блейк?»

— Моррис Коэн — прекрасный человек. И Лона тоже. Мы стали большими друзьями, особенно в последние годы их жизни. Я часто бывал у них на Патриарших, а они у нас на даче.

— Лонсдейла — Молодого, российского нелегала, вспоминаете?

— Еще бы, мы сидели вместе в лондонской тюрьме Уорм-вуд-Скрабс, много общались.

— Никак не пойму, как российскому разведчику Лонсдейлу, приговоренному к двадцати пяти годам за шпионаж, и вам, со сроком отсидки в 42 года, давали общаться?

— Никто не понимает. Можно сказать, то была административная ошибка. Мы оба проходили там опасными преступниками, должны были бы быть под особым наблюдением. Но у английской контрразведки и у тюремной администрации оказались разные понятия относительно этого самого наблюдения. Нас обязаны были содержать отдельно, исключить

возможность встреч, а получилось наоборот: ежедневную прогулку мы совершали вместе. Лонсдейла обменяли, а я — бежал.

— В Москве встречались?

— Конечно, Лонсдейл бывал нашим гостем.

— А с Кимом Филби?

— Естественно. Его будущая жена Руфина — подруга Иды по институту, где они вместе работали. Ким ее увидел, и она ему сразу очень понравилась. Тут вспоминаю одну деталь. Вскоре после этого Служба подарила мне машину «Волга». Когда ж это было? В 1971-м? А я в то время мало знал о российских дорогах: думал, сядем на машину и поедем по России. Но, ха-ха, это было чрезвычайно трудно. Где остановиться на ночь или купить бензин? А уж починить мотор... Но всё равно однажды Ида пригласила Руфину в Ярославль, и мы на «Волге» все вместе туда поехали. И я видел, что Ким сразу в Руфину влюбился и предложил руку и сердце.

— А со своими друзьями вы говорили о делах разведки?

— Говорили. Вспоминали, как было в Англии, в других странах. Да, есть о чем вспомнить. Но анализировать — нет. Нам было всё ясно. Мы знали истории друг друга, понимали, кто и что сделал. Потом через Мелинду познакомились с Доном Маклином. Он был интеллигентнейшим человеком, отлично говорил и писал статьи. Причем — на русском.

— Говорил — как вы?

— Очень и очень хорошо, но, как и я, с акцентом. Это неизбежно, когда учишь язык взрослым. Он был одним из ведущих сотрудников нашего Института мировой экономики и международных отношений. Мы сидели в комнатах по соседству.

— А кто из товарищей по разведке был вам ближе всего по духу?

— Безусловно, Дональд Маклин. Ким Филби тоже был из Кембридж файф, и тоже интеллеktуал. Они годами вместе работали на Советский Союз. Но я назвал Маклина.

— Многие ваши коллеги по Службе считают, что из всех людей вашей профессии, волею судьбы и разведки попавших в Россию, именно вы отлично адаптировались, и страна — по-настоящему ваша. Прилагали героические усилия? Или Ида Михайловна сыграла важную роль?

— У меня такой характер. Умею хорошо адаптироваться везде, куда меня посылала жизнь, даже в тюрьме Скрабе приспособился. Стараюсь всегда найти позитивные обстоятельства. Есть такая американская песенка: «Делайте ударения на позитиве, отстраняя всё, что в негативе». Это я унаследовал от моей мамы. Она всегда была очень позитивной, оптимистичной, всегда в хорошем настроении.

— Шутка, юмор помогают прожить дольше. Так?

— Ну, я не такой уж сильный шутник, а насчет юмора, ха-ха-ха, всё в порядке. Однажды на встрече с товарищами по Службе в Ясенева я сказал: «Вы видите перед собой иномарку, которая очень хорошо адаптировалась к русским дорогам». Юмор оценили.

— Насколько я знаю, вы — один из немногих сотрудников разведок других стран, ставший полковником Службы внешней разведки России.

Это же признание. Было приятно?

— Э-э-э... Признание, да, приятно. Но я этому придавал не особенно большое значение. А вот что меня включили в число нелегалов внешней разведки — огромная честь! Тогдашний руководитель Вадим Алексеевич Кирпиченко меня очень хорошо знал, прекрасно относился. Мы много путешествовали по России — от Запада до Дальнего Востока. И этот факт причисления меня к Службе нелегалов был и по-прежнему остается для меня самым большим признанием.

— Ваша книга «Прозрачные стены» переиздается, и каждый раз, покупая новое издание, я надеялся: может быть, вы поведаете что-то еще, связанное с советской разведкой.

— Нет, я написал всё, что хотел. Новых глав не будет. Мне очень помогала моя невестка, она хорошо пишет. Я ей рассказывал на моем русском, она излагала это на русском хорошем.

— В книге вы оцениваете людей с точки зрения разведчика. И некоторые ваши изречения мне запомнились.

— Да? Приятно. Какие же?

— Люди любят говорить...

— ...И когда ты их слушаешь, считают тебя хорошим собеседником. Это относится ко всем странам и эпохам. Даже здесь мы видимся с одним человеком, который, приходя, любит говорить со мной. А я слушаю, правда, не всегда его понимаю, но это не имеет значения. Я иногда позволяю себе задать ему вопрос, и он продолжает.

— Или еще одно изречение. Можно не рассказывать всю правду, а ограничиться лишь частью ее. И этого достаточно.

— Это известные методы, не пугайтесь, иезуитов. Называется экономия правды. Ты не говоришь ложь, но не открываешь всей правды, когда это не принципиально. Я предпочитаю не огорчать человека без необходимости, обходясь молчанием или высказывая сдержанное одобрение тому, что он делает. Люди не очень-то интересуются твоим мнением. Им нравится, когда их внимательно слушают, ограничиваясь поощрительными замечаниями или наводящими вопросами. Они уйдут с

убеждением, что вы прекрасный собеседник, хотя на самом деле вы вообще не высказывались, а лишь внимательно слушали.

— В работе разведчика помогало?

— Да, наверное.

— А что из вами в разведке совершенного вы считаете наиболее удачным?

— Берлинский туннель.

— Мне не совсем понятно, как вы передавали информацию советской стороне. Вы — в Западном Берлине, наши — в Восточном.

— Так я вам расскажу. Не слишком трудно. Когда я служил в английской разведке в Берлине, две части города соединяло так называемое скоростное метро, однако наземное. Встречался я с советским товарищем примерно раз в месяц. У меня были документы английской разведки, я садился в метро в Западном Берлине, выходил в Восточном. Проверялся. А там меня уже ждала машина. В ней сидел мой куратор. Мы ехали в Карлсхорст на явочную квартиру, я передавал пленки, мы беседовали. Иногда позволяли себе бокал цимлянского шампанского.

— Французы вас бы не поняли.

Блейк рассмеялся:

— Знаю, для них это вино с газом, но я его очень люблю.

Потом меня снова довозили до границы, и я приезжал на метро домой.

— Меня поразило, как вы бежали из тюрьмы, как сломали руку.

— Вот, посмотрите, до сих пор след остался, — и Георгий Иванович показал мне выпирающую кость над кистью левой довольно мускулистой руки. — Пока я два месяца прятался у друзей, боль прошла. Но до сих пор иногда чувствуется.

— Вы ехали из Англии по Европе до Восточного Берлина, прячась в сколоченном жестком ящике с деревянным настилом под машиной. Мучились наверняка страшно.

— Ну, я же не все время в ящике прятался. Только когда мы пересекали границы. Семья, меня перевозившая, была с двумя детьми. Они здорово рисковали. И на судне, плывшем из Англии на континент, было правило: в машине они оставаться не могли, надо идти в салон. А я остался. Да, лежал там, потом сидел, мог свободно дышать. Когда приехали в бельгийский Брюгге, пришлось снова залезать в ящик.

— Утверждают, будто советская разведка знала, что вы вот-вот должны добраться до Восточного Берлина, и даже помогала вам. Ждала?

— Нет. Это не так. Когда мы доехали до германской границы, я опять ненадолго спрятался. Не знал никто. Но мне повезло.

— Вы — везучий.

— Мы приехали в Берлин. Обстановку в нем я изучил очень хорошо, ведь долго жил там. Подъехали к заставе, и за полкилометра до нее я вышел, поблагодарил друзей, простился. Я немного подождал, дошел пешком до немецкой восточной заставы. Обратился к офицеру: хочу поговорить с советским представителем. Начались понятные вопросы: зачем? А кто вы? Я вежливо попросил немца не беспокоиться, вызвать поскорее русского офицера, которому всё объясню.

— Вы ведь хорошо говорите по-немецки.

— Да. И немец не слишком охотно, но вызвал советского представителя. Пришел молодой человек, которому я сказал, кто я. Он понял, но попросил подождать два часа: «Сейчас глубокая ночь. Завтра утром приду и разберемся». Мне дали комнату. Усталым я был очень. Путешествие было волнующим и долгим. Сразу заснул. На следующее утро, когда я завтракал, открылась дверь. Вошел человек и сказал: «Это он». Это был офицер внешней разведки Кондрашев.

— Закончил службу генерал-лейтенантом.

— Он меня знал, потому что мы вместе были в Англии.

Кондрашев так обрадовался! Он меня взял с собой, и мы поехали в Карлсхорст. Там я пробыл три дня, а потом на специальной машине крупного начальника он проводил меня в Москву.

— Георгий Иванович, вы можете сказать, что вы — счастливый человек?

— Да, я — счастливый человек, *very lucky man, exceptionally lucky*. Но я не верю в жизнь после смерти. В детстве хотел стать священником, но с годами прошло. Как только наш мозг прекращает получать кровь, мы уходим, и после не будет ничего. Ни наказания за то плохое, что сделали, ни награды за хорошее.

— Вы ощущаете себя исторической личностью? На вашем примере учились целые поколения людей схожей профессии. Филби, вы, Коэн... Благодаря вам был обретен атомный паритет, мир и наша страна выжили. Не было бы этого, история пошла бы по-иному. Значит...

— Нет. Всё равно я не историческая личность. И знаете почему?.. Мы не знаем, что люди будут думать через 100 лет и какое у них будет отношение к нам, живущим сегодня. Не стоит замахиваться на непредсказуемую историю. Посмотрите, как изменялись отношения к событиям, происходившим меньше ста лет назад.

— Многие в солидном возрасте подводят определенные итоги. О чем можете сказать: это в моей жизни удалось, а вот это — получилось не совсем? Разочаровались ли в чем-нибудь?

— Я смотрю на мою жизнь, как на одну ситуацию, которая естественным образом вытекает из предыдущей. Это, можно сказать, эволюционный путь. Не было бы одного, не произошло бы и другого, логично вытекавшего из предыдущего. Оглядываясь назад, всё кажется логичным и закономерным. Даже когда я оказался в Москве, последовало воссоединение с мамой, с сестрами, потом уже с сыновьями. Интересный период встреч, чуть не 20 лет спустя. Приезд мамы сюда — одно из важнейших событий. Она всё это организовала. Причем всегда верила в это. Когда впервые услышала мой приговор — 42 года тюрьмы, вынесенный в Англии, мама взяла два огромных сундука, они до сих пор стоят у нас в московской квартире, и аккуратно сложила туда всю мою одежду, уверяя всех: «Она Джорджу еще пригодится». Как она могла предугадать, что со мной в тюрьме будет? Но всего через шесть лет приехала с этими здоровыми сундуками ко мне в Москву. И я эти вещи носил. Даже пальто, в котором я вернулся еще из Кореи. И как долго прожила мама...

— Вы сохранили связь с сыновьями, с Англией. А что для вас Россия? Как вы к ней относитесь?

— Это самые счастливые годы моей жизни. И самые спокойные. Когда работал на Западе, надо мной всё время висела опасность разоблачения. Тут я чувствовал себя свободно. Очень важный момент. Как это слово — перипетии? Все эти перипетии судьбы привели к чуду. В Англии — связь с детьми и внуками, которые часто ко мне приезжают. Здесь — жена и сын, которые очень любимы. У меня девять внуков. Сын Миша — мудрый человек, мы с Идой его очень уважаем. У них с женой ребенок, а теперь они взяли девочку — родом из Средней Азии, с огромными глазами. Сначала оформляли опеку, сейчас удочеряют. Мы все ее так любим.

— Многие разведчики прожили долгую жизнь — Герой России Александр Феклисов ушел в возрасте за девяносто...

— Я его знал, мы бывали в клубе ветеранов.

— Другой Герой России Владимир Барковский до восьмидесяти с лишним играл в теннис.

— И в волейбол.

— Ваш друг Вадим Кирпиченко прожил до восьмидесяти двух. Старейший чекист России Борис Гудзь скончался на сто четвертом

году... Барковский объяснял мне это тем, что мозг разведчика приучен к напряженной работе и не дает человеку стареть. Согласны?

— Может быть, я бы посмотрел на это по-иному. Не думаю, что деятельность разведчика превращает его в долгожителя. Наоборот.

— Разведка здоровья не прибавляет?

— Не прибавляет. Но и не отнимает. Человек и стал разведчиком, потому что всё это — аналитический ум, физическая форма в нем заложены, он их развивал, достигнув высокого уровня в профессии. Скорее всего так. Даже когда тебе много лет, можно приятно проводить время. Нет уже прежних стрессов, каких-то забот. Благодаря Службе внешней разведки я материально хорошо обеспечен. Правда, и запросы у меня весьма скромные.

А какой бы совет вы дали людям вашего возраста?

— Если они захотят меня услышать, то пусть стараются брать от жизни всё самое хорошее и меньше обращают внимания на свои года.

— Вы наверняка слушаете радио, смотрите телевидение? Есть какая-нибудь любимая передача?

— Люблю, когда Ида мне читает. Телевидение? Я почти не вижу. Всё на слух. Слушаем «Культуру». Есть фильмы о разведке. Режиссеры снимают, актеры играют, но я сам знаю, что и как было, и всё равно не возражаю. Пусть так будет.

— Let it be.

— Yes, let it be. Это мой подход к жизни. Эту песню «Битлз» очень люблю.

— Моя любимая.

— И моя.

— Георгий Иванович, мы с вами ровно полтора часа проговорили без перерыва, а песик у вас на руках сидит и слушает.

— Может, ему тоже интересно. А, Плюшка? Любит сидеть на коленях, меня успокаивает.